К.Сергиевский

АВТОМАТОН

SHOUT
SHARE
IT

- Константин Сергиевский. Автоматон

Константин Сергиевский. Автоматон

Я сижу на своём привычном месте, у входа в магазин готовой одежды, разглядывая через мутные закопченные стёкла витрин прохожих. В сером влажном тумане мелькают облачённые в длинные нелепые плащи силуэты. Медлительные локомобили грохочут по каменной мостовой, выпуская в воздух облака вязкого пара.

Задумавшись, я не сразу замечаю очередного посетителя. Он вынужден пнуть меня по ноге, дабы привлечь внимание. Я со скрипом поворачиваю голову, чтобы на него посмотреть. Следовало бы изобразить приветливую улыбку, но у меня нет рта.

Посетитель – молодой человек. Дорогой кожаный плащ, отглаженный шерстяной костюм с выглядывающей из кармашка толстой золотой цепочкой хронометра, безупречно, до блеска, начищенные ботинки.

- Ну, что, мозги в заднице, - с кривой ухмылкой приветствует он меня. – Всё сидишь? Всё размышляешь?

Мозги у меня не в заднице. Точнее, не только там.

Голова у меня и впрямь почти пустая. Огромные толстые линзы глаз, через сложную систему зеркал передающие изображение в расположенный в грудной клетке управляющий движениями рук пружинный механизм. Единственное ухо, больше похожее на уменьшенную копию граммофонной трубы. Прямо посередине лба – узкая вертикальная щель монетоприёмника. Каждый вечер хозяин специальным ключом открывает маленькую, хитроумную устроенную в моём затылке дверцу, с ворчанием выгребая из головы заработанную за день мелочь.

То, что можно назвать моим мозгом – модифицированный анализатор Бэббиджа – действительно расположен ниже пояса. Хитросплетение миниатюрных шестерёнок занимает не только нижнюю часть тела, но и всю кубовидную, замаскированную под кресло подставку. Для примитивной работы, ради которой я был создан, подобные сложности совсем не нужны. Я – всего лишь устройство для завязывания галстуков. Зачем создавший меня механик вложил в моё неуклюжее, уродливое тело разум, сопоставимый с человеческим, остаётся для меня загадкой.

Человек стоит напротив меня, уперев руки в бока, и с отвращением разглядывает моё безобразное медное тело.

- Все вы – уродливые чудовища, - злобно говорит он. – Отвратительные, мерзкие пародии на людей. И вас становится всё больше и больше. Извозчики локомобилей, цирюльники, уличные

музыканты, фотографы в ателье, дворники, чистильщики обуви, садовники… Вчера все газеты писали, что судебный департамент заказал механического палача. Подумать только, эти идиоты утверждают, что недостойно одному человеку лишать жизни другого, пусть он даже закоренелый преступник. Скоро дойдёт до того, что медные болваны сами будут писать законы, выносить приговоры людям и приводить их в исполнение. О, я знаю, о чём вы мечтаете! Уничтожить человечество и захватить мир!

Он буравит меня взглядом маленьких злобных глаз.

Я ничего не отвечаю. Странно, что наделив меня интеллектом, механики не позаботились оснастить моё тело синтезатором речи. Впрочем, мне нечего сказать этому странному и злому субъекту. Я не хочу уничтожать человечество. Я хочу просто хорошо делать свою работу.

Он садится на табурет передо мной, небрежно накидывает на шею только что приобретённый галстук.

- Будь аккуратнее, чучело! – сквозь зубы бросает он. – Он обошёлся мне в три гинеи!

Я прекрасно всё это знаю. Я должен быть осторожен и аккуратен. Я умею завязывать галстуки восемнадцатью способами. Я всегда безупречно делаю свою работу.

И пытаюсь понять, за что все они так нас ненавидят.

Человек небрежно бросает медяк в щель моего лба, с глухим звоном тот исчезает в чреве монетоприёмника. Потайной рычажок освобождает спрятанную меж лопаток тугую пружину, мои руки приходят в движение.

Отработанный порядок действий. Накинуть сюда, придержать здесь, пропустить тут. Слегка затянуть. Готово.

Но в этот раз я ломаю привычный алгоритм. Узел галстука безупречно завязан, но я продолжаю тянуть. Кусок роскошного шёлка становится удавкой. Лицо молодого щёголя багровеет, глаза выкатываются. Он судорожно ловит ртом воздух. Его руки охватывают мои медные запястья, тщетно пытаясь их оторвать, но его конечности слишком мягкие и слабые, им не справится с моей железной хваткой.

Я продолжаю изо всех сил затягивать тугую петлю, мысленно молясь неведомому человеческому Богу, чтобы завода пружины хватило. Я должен довести дело до конца.